

УДК 343.9.01

Ларин Вячеслав Николаевич
Балтийский Федеральный Университет им. И. Канта
Юридический институт
Россия, Калининград
larin_vn@inbox.ru
Larin Vyacheslav Nikolaevich
Immanuel Kant Baltic Federal University
Law institute
Russia, Kaliningrad

К ВОПРОСУ О ГЕНЕАЛОГИИ БИОСОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА

Аннотация: статья посвящена исследованию генеалогии биосоциальной теории личности преступника. Прослеживается историческое развитие антропологического и биосоциального направления. Критически анализируются сущность и компоненты теорий преступности и личности преступника – классической, антропологической, психологической и социологической. Указывается на идеологические причины полного отказа от биосоциального понимания личности, включая личность преступника. С учетом рецепции позиций биосоциальных теорий и последних достижений генетики, психологии и других наук предлагается разработка комплексной биосоциальной теории личности преступника, которая должна носить интегральный характер.

Ключевые слова: теория преступности, теория личности преступника, история криминологии, классическая теория криминологии, антропологическая теория криминологии, социологическая теория криминологии, психологическая теория криминологии.

TO THE ISSUE OF THE GENEALOGY OF THE BIOSOCIAL THEORY OF THE PERSONALITY OF THE CRIMINAL

Annotation: The article is devoted to the study of the genealogy of the biosocial theory of the personality of the criminal. The historical development of the anthropological and biosocial direction is traced. The essence and components of theories of crime and the personality of the criminal are critically analyzed – classical, anthropological, psychological and sociological. The ideological reasons for the complete rejection of the biosocial understanding of the personality, including the identity of the offender, are indicated. Given the reception of the positions of biosocial theories and the latest achievements of genetics, psychology and other sciences, a development of the comprehensive biosocial theory of the offender's personality is proposed, which should be integral in nature.

Key words: crime theory, theory of the personality of the criminal, history of criminology, classical criminology theory, anthropological criminology theory, sociological criminology theory, psychological criminology theory.

Одним из ключевых вопросов криминологии является вопрос о соотношении социальных и биологических причин в формировании личности преступника и его деяний. Личность преступника, в свою очередь, является ключевым элементом преступного поведения, поскольку именно из особенностей личности преступника проистекает само преступное поведение. Поэтому отмечается, что проблема личности преступника является центральным вопросом для криминологии [6, с. 129].

При этом, определение личности преступника является основанием для теории преступности как таковой. Так, из признания абсолютной свободы воли личности проистекает классическая теория преступности; из утверждения о личности как результате воздействия общественной среды – социологическая; из включения в понятие личности влияния биологии и генетики – биологическая (антропологическая) и т.д. Таким образом, разрешение фундаментальной проблемы личности преступника определяют развитие мер профилактики и предупреждения преступности.

Личность преступника может быть определена как модель, имеющая определенные специфические черты; как некая абстракция, под которой можно понимать совокупность научных представлений о тех, то совершает преступления [3, с. 27]. Однако такое определение не является полным, т.к. обладает признаками номинального определения и является скорее «определением определения», в которое могут быть включены совершенно различные понятия о личности преступника. Тем не менее, этой дефиниции будет достаточно при рассмотрении тех научных теорий, из идей которых и складываются те или иные определения.

Если социальное влияние уже давно изучено, то биологические детерминанты преступности зачастую даже не обозначаются, а внимание к ним на данный момент незначительно [5, с. 224]. Однако, биологическое влияние на личность и ее поведение, в том числе, влияние наследственности, рассматривалось человеком уже в глубокой древности. На заре истории появились идеи о связи наследственности и поведения. Фридрих Энгельс отмечал, что «В многообразных формах греческой философии уже имеются в зародыше, в процессе возникновения, почти все позднейшие типы мировоззрений» [23, с. 369]. Несмотря на определенную спорность данной мысли, следует признать, что во многом именно в Древней Элладе зародились идеи о взаимосвязи между наследственностью и поведением. Таким образом, уже в Античности были сформулированы объяснения поведенческих особенностей человека и их причин. Именно тогда также были предприняты попытки выявления причин преступности, проведен анализ влияния преступного поведения на общество и его нравы и традиции и предложены определенные меры по профилактике и сдерживанию преступности [21, с. 556].

В XVIII веке вместе с уголовным правом возникла криминология, чье появление было связано с работой Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях» [14, с. 21]. Данная работа стала квинтэссенцией классического взгляда на преступность. Такой взгляд основывался на положениях религиозной мысли и идеях Просвещения. Наследуя схоластической традиции теологии (св. Григорий

Богослов, Петр Дамиани, Ф. Аквинский, Ансельм Кентерберийский) и средневековой светской философии (Абеляр, Боэций, Беренгарий, Бонавентура, Сигер Брабантский), классическая школа криминологии выработала ряд положений, которые имеют непреходящую актуальность, но вместе с тем являются в определенной степени дискуссионными. Среди этих принципов следует назвать идею свободы воли; утилитаризм, поставивший правовую политику в качестве объекта гедонистического исчисления; доктрину естественного права; принцип рационализма в уголовной политике и прогрессизм [8, с. 136]. Вера в прогресс при этом является христианской в своей сути и впервые была изложена Августином Блаженным в книге «О Граде Божьем» [4, с. 61-74]. Это, как и признание свободы воли, подтверждает вышеупомянутую связь с схоластической философией.

При этом, в научных работах часто можно наблюдать смешение классической школы криминологии с социологической – например, это имеет место в статье А. Е. Шалагина и О. Н. Хрустальной, посвященной развитию криминологии [21, с. 558]. Однако, эти школы имеют отличную друг от друга методологию.

Ч. Беккариа, опираясь на идеи рационализации уголовной политики, предложил в своей работе методы профилактики преступности. Он поддерживал превентивную функцию наказания и негативно оценивал смертную казнь. Несомненно, работа «О преступлениях и наказаниях» внесла свой вклад в реформирование уголовно-правовой системы (отмена пыток, уменьшению количества смертных приговоров, провозглашению принципа законности) [21, с. 557]. Помимо Ч. Беккариа классическое направление было представлено А. Кетле, И. Бентамом, Р. Оуэном.

Иеремия Бентам (1748-1832), знаменитый английский философ основатель утилитаризма, отмечал стабильность показателей преступности, подкрепляя это статистическими исследованиями. Согласно его взглядам, стремления основной массы людей во все времена направлены на удовлетворение потребностей при испытании минимальных страданий и лишений [21, с. 557]. Поэтому, полагал И.

Бентам, и уголовной политике следует исходить из гедонистических начал, руководствуясь тем, что наказание должно, причиняя страдания одному или нескольким индивидам, обеспечивать большее удовольствие для всех [16, с. 428].

Как можно обнаружить из анализа принципов классической школы криминологии, человек рассматривается в рамках данной теории как *tabula rasa*: его поведение абсолютно рационально, поэтому и преступления совершаются им осознанно; воля свободна от всевозможных влияний со стороны наследственности и среды, а его объединения с другими людьми – общество и государство, находятся в состоянии постоянного прогресса и улучшения. Крайняя схематичность подобных идей, но вместе с тем их огромная практическая значимость для своего времени, обусловили, с одной стороны, попытки найти другие ответы на поставленные вопросы; а с другой, консервативность в отношении уже разработанных и принятых положений классической школы.

XIX век был отмечен успешным развитием биологии, антропологии и криминологии. Применение позитивистских методов привело к появлению наряду с классической школой школы позитивистской. Именно в ее парадигме стала возможна постановка вопроса о причинах преступности, поскольку в классической криминологии человек являлся, как уже было отмечено, абсолютно рациональным и совершение им преступления расценивалось как результат действия свободной воли. Позитивизм же перевел внимание на обзор тех причин данного поступка, которые лежат не в субъективной реальности конкретного индивида, а в объективной действительности. При этом были выработаны основополагающие идеи, имеющие значение и на сегодняшний день, в числе которых следует назвать эволюционизм, материализм и прагматизм [8, с. 137].

В рамках позитивистской школы может быть выделено психологическое, антропологическое и социологическое направление. Данная классификация,

принадлежащая Я. И. Гилинскому [6, с. 102-142], является при этом наиболее развернутой на данный момент [8, с. 135], а потому, вместе с тем, и актуальной.

Психологическое направление обратилось к изучению психических причин преступности. При этом в рамках психоаналитической теории Зигмунда Фрейда преступность рассматривалась на стыке с антропологическим направлением криминологии. Так, Зигмунд Фрейд полагал, что преступление является результатом воздействия подсознательных инстинктов, которые являются врожденными [21, с. 557]. Именно поэтому фрейдистское понимание преступности рассматривается иногда как составная часть биологического или антропологического направления. Габриель Тард (1843-1904) [18], французский социолог и криминолог, представитель лионской школы, полагал, что рост преступности связан с отрицательным воздействием антиобщественной среды, снижением уровня моральных и культурных традиций, стремлением к власти и непосредственно самой властью над неограниченными материальными ресурсами [17, с. 112]. Он и его последователи считали, что преступное поведение объясняется механизмом подражания, который возникает на бессознательном уровне; распространением негативных стереотипов, отрицательным воздействием на общество криминальных сообществ. Также, уделялось внимание и процессам обнищания пролетариата, маргинализации и люмпенизации. При этом Габриэль Тард полагал, что люди рождаются порочными, пусть и становятся преступниками уже впоследствии. Жестокий и безжалостный характер заключенных, полагал исследователь, во многом связан с их образом жизни: посещением дурного общества, страданиями в детском возрасте и создания таких условий, которые приводят к развитию жестокости, гордости, злобы, лени и других отрицательных качеств [12, с. 341]. Концепция личности преступника Габриэля Тарда, являясь психологической, приближалась, однако, к социологическому направлению, что контрастирует с психоаналитической теорией Зигмунда Фрейда. Таким образом, можно заключить, что психологическое направление криминологии представляло собой

набор теорий, тяготеющих либо к антропологическому, либо к социологическому объяснению.

Антропологическая школа рассматривала биологические причины преступности, в то время как социологическая толковала преступность как исключительно социальное явление. Ярко выраженный антагонизм данных течений стал причиной ожесточенной научной полемики с участием их виднейших представителей.

Одним из основоположников социологической школы был Адольф Кетле (1796-1874), автора труда «О человеке и развитии его способностей или опыт социальной физики» (1835). Он отстаивал точку зрения, что преступность, подобно прочим общественным процессам, может быть изучена и спрогнозирована. Также он пришел к выводу, что в устойчиво развивающемся обществе уровень преступности не подвержен сильным изменениям [21, с. 558]. Однако, история развития социологического направления уже детально рассмотрена в научной литературе.

Эволюционизм, развитый великим английским ученым Чарльзом Дарвином, открыл возможности для развития антропологического направления. Основы этой теории были также заложены Гербертом Спенсером, который применил принципы, открытые Ч. Дарвином, в социологии, используя идеи естественного отбора, выживания наиболее приспособленного и борьбы за существование в изучении общественных явлений.

Важной вехой в становлении антропологической теории была концепция нравственного помешательства (*moral insanity*), предложенная английским врачом Дж. Причардом (1786–1848) в «Трактате о помешательстве» (*Treatise of Insanity*). Что примечательно понятие нравственного помешательства под несколько измененным названием – *moral imbecility* вошло в арсенал уголовной антропологии. Под данным помешательством Дж. Причард понимал расстройство психики, которое характеризуется нормальностью интеллектуальной сферы, но нарушением волевой и аффективной. Автор

концепции полагал, что в отношении нравственного помешательства существует сильное наследственное влияние [15, с. 22].

Продолжателем идей Дж. Причарда был директор манчестерской психиатрической больницы Генри Модсли. В своей работе «Ответственность при душевных болезнях» Модсли писал, что «судьба людей создается их предками, и никто, как бы он ни был силен, не может избежать их тирании над своей организацией» [13, с. 23, 25]. Он полагал, что преступный психоз является духовной стороной невроза, и наказания бесполезны для надежного исправления человека. Волка всегда будет тянуть в лес [13, с. 35]. Преступники, согласно Модсли, – это выродившаяся разновидность человеческого рода, люди, отмеченные рукой природы, призванные и назначенные для совершения постыдного дела [13, с. 32]. В связи с этим, как уже было отмечено, автор полагал любые меры перевоспитания обыкновенных преступников бессмысленными [13, с. 27]. В качестве мер превенции Г. Модсли предлагал снижение зарплат рабочим, поскольку полагал, что чем меньше зарплата, тем люди меньше пьянствуют и предаются разврату [13, с. 351]. Также он полагал необходимым прекратить размножение людей с нравственным помешательством [13, с. 342].

Вслед за исследованиями Г. Модсли появились труды Д. Николсона и Б. Томсона. В своих работах 1870 года, т.е. до того, как были опубликованы книги Ч. Ломброзо, Б. Томсон описал внешние и внутренние признаки преступников, отмечая наличие патологии даже в строении органов. Низкий рост, какой-то особенный холодный взгляд, увеличенная частота искривления позвоночника, недостатки речи, косолапость, глухота, глупое и дьявольское выражение лица – таковы, по мнению Б. Томсона признаки преступного человека. Сам преступник, согласно такому взгляду, является продуктом вырождения, полудивилизованным дикарем, носящим наследственное влияние к совершению преступлений, которое является по сути душевной болезнью [24, с. 321-350].

Один из ведущих биокриминологов, Х. Эллис выступал за сохранение смертной казни и неопределенных приговоров. Помимо этого, он полагал необходимым содержать заключенных отдельно друг от друга, а также

ограничить условное осуждение [22, с. 195]. Многие американские уголовные антропологи также стояли на позиции необходимости введения неопределенных приговоров, что впоследствии отразилось на утверждении данного института в штатах Массачусетс, Огайо, Иллинойс, Пенсильвания, Канзас и Нью-Йорк. Помимо этого, к 1926 году в 23 штатах США применялась принудительная кастрация и стерилизация [14, с. 25].

Одним из главных представителей антропологической теории преступности был Чезаре Ломброзо, знаменитый врач еврейского происхождения из Италии. Он, применив методы антропологической науки в исследовании заключенных, в том числе мертвых, пришел к выводу, что можно выделить особые криминальные типы, которые характеризуются антропометрическими свойствами [20, с. 52-53].

Работы Ч. Ломброзо были справедливо подвергнуты критике еще современниками. Были обнаружены ошибки в методологии и выводах. Что примечательно, именно отечественный ученый Дмитрий Дриль заступился за теорию Ч. Ломброзо на Брюссельском конгрессе криминологов [1].

Следует отметить, относительно работ Ч. Ломброзо существует много заблуждений. В советский период практически во всех учебниках по уголовному праву и криминологии именно Ломброзо указывался как основоположник антропологической теории криминологии. Это нашло отражение в работах А.А. Герцензона, Н.С. Лейкиной, В.А. Кудрявцева, М.И. Ковалева, А.А. Пионтковского и многих других исследователей. Данное мнение излагается и во многих современных изданиях [14, с. 21]. В то же время уже были обозначены предшественники Ч. Ломброзо, изучавшие феномен преступности с помощью антропологических методов.

Также считается, что теория Ч. Ломброзо была использована в Третьем Рейхе и положена в основу учения национал-социализма. Однако, в действительности, Ч. Ломброзо в своих работах критиковал антисемитизм. Немецкий национал-социалистический философ Эрнст Крик таким образом отзывался о Ч. Ломброзо и одной из его книг: «Книга Ломброзо «Гений и

безумие» – одна из самых наглых еврейских пакостей, какие когда-либо компрометировали приличную науку. Фундаментом этой книги служит навозная куча бессвязных утверждений, выдуманных и бессмысленных суждений, которые близко граничат с безумием, но не имеют ничего общего с гением. Эта книга воспекает евреев как цвет европейского духа, а разрушение и разложение открыто провозглашаются в ней как цель...» [9, с. 413]. Поэтому, сведения о том, что теория Ч. Ломброзо была принята в Третьем Рейхе, являются ложными.

Развитие антропологического направления привело к появлению множества теорий, указывавших на различные особенности и детерминанты преступного поведения. Были развиты теория наследственной предрасположенности (О. Лонге, О. Кинберг), конституциональная теория (Э. Кречмер, У. Шелдон) теория склонности к преступному поведению; появилась теория хромосомной аномалии (П. Джейкобс) и умственной отсталости (Г. Годдард а также эндокринная (Р. Фунес, М. Шлапп, Э. Смитт) [21, с. 557]. В соответствии с последней, предрасположенность к преступному поведению связана с нарушением работы эндокринных желез (щитовидной железы, гипофиза, желчного пузыря и др.) [7, с. 42].

В результате учета биологических (в том числе антропологических) и социальных причин преступности в рамках криминологии была развита биосоциальная теория преступности, представляющая собой синтез двух вышеописанных течений. Важное для своего времени исследование было проведено Густавом Ашаффенбургом (1866-1944) в работе «Преступление и борьба с ним» (1907). В нём он подверг анализу детерминанты преступного поведения, показав значение как социально-экономических причин, так и наследственных биологических влияний [19, с. 67].

Рафаэле Гарофало (1851-1934), Энрико Ферри (1856-1929), автор работы «Уголовная социология» и Франц Лист (1851-1919) [19], автор труда «Задачи уголовной политики. Преступление как социально патологическое явление» [11], также отмечали влияние биологических детерминант, указывая при этом на влияние социальных, экономических и прочих причин преступного поведения.

Именно они явились главными основоположниками биосоциальной теории преступности и личности преступника. При этом совершение преступления, согласно их взглядам, являлось способностью приспособления к социальной среде, в то время как наказание рассматривалось в качестве метода возмездия со стороны государства.

Несмотря на то, что дарвинизм сыскал лавры триумфатора в борьбе с библейской теологией в XIX, впоследствии он уступил место другим парадигмам, проистекающим из либерального эгалитаризма, марксизма, культурного релятивизма и литературного деконструктивизма. Эволюционная теория, не смотря на своё прочное положение в биологии, в результате процессов, в полной мере развернувшихся в 1920-х гг., перестала оказывать какое-либо заметное воздействие на социальные науки в результате разъединения их с биологическими, связанного с распространением влияния Боасианской школы антропологии [15, с. 35-36]. Таким образом, антропологическое и антропосоциологическое направления были во многом забыты, а их методы преданы идеологическому порицанию.

Описанное нами развитие криминологии, включая ее антропологическое направление, и её методов важно не только с позиции истории науки. С учетом недавних исследований и открытий можно говорить о рецепции биологической наследственной теории в криминологии, когда обращение к прежним методам и теориям сочетается с их улучшением и развитием [10, с. 115]. При этом подобные исследования дают почву для дальнейшего развития интегрального биосоциального направления.

Однако, следует отметить, что не все положения, подвергшиеся переоценке современной наукой, нашли отражение в криминологии и уголовном праве. Более того, ряд идей позитивизма как, например, социал-дарвинизм рассматриваются как вредные и даже криминогенные, что можно видеть в обстоятельной в других отношениях работе Клейменова [8, с. 138], хотя в действительности такую опасность несут именно упрощенные и вульгаризированные идеи данного направления. Ведь, во многом, именно

социал-дарвинизм оказал влияние на антропологическую школу криминологической мысли, которая пришла к биосоциальной модели причин преступности. Кроме того, вышеназванный автор там же отмечает опасность позитивизма, кроющуюся в оккультизме. Отход от христианства, согласно его мнению, приводит к поиску гностических идей, доктрин тайного знания в качестве оснований. В то же время, остается совершенно неясным, каким образом столь же мистические идеи христианства, легшие в основу классической школы криминологии и постулирующие такие неверифицируемые догматы, как свобода воли, естественное право, прогрессизм и т.д. являются чем-то качественно отличным.

Таким образом, генеалогические корни биосоциальной теории преступности и личности преступника уходят в античное время, а научное оформление данной теории связано с появлением позитивизма и попытками на данной методологической основе найти причины преступности во влиянии среды и наследственности. Предшествовавшая позитивистским концепциям, классическая теория, являющаяся выводом из ряда постулатов средневековой схоластики, также должна быть рассмотрена как один из корней будущей интегральной биосоциальной теории. Последняя должна соединить элементы классической и позитивистских теорий, исключив недостатки обеих подходов в комплексной методологии и онтологии. Разработка данной теории является весьма перспективной ввиду ее высокого объяснительного потенциала и тех возможностей, которые она несет для уголовного права. Это особенно актуально в виду процесса рецепции наследственной теории преступности, поскольку позволит встроить получаемые за последнее время данные в непротиворечивую научную картину.

Список литературы:

1. Ван-Кан. Экономические факторы преступности: пер. с фр.; пер.: И.И. Аносова, Л.В. Гольденвейзера, В.П. Поливанова; предисл.: Ван-Гомель; под ред. С предисл.: С.В. Познышева. – М.: Г.А. Леман, 1915. 336 с.

2. Гишинский Я. И. Криминология. Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль: курс лекций. – СПб., 2002. С. 102-142.
3. Девятова А. О. Личность преступника // Вопросы науки и образования. 2018. №28 (40). С. 26-28.
4. Евсеев К. Августин дарящий прогресс // Альманах Warha. № 7. 2019. С. 61-74.
5. Игнатов А. Н. Биологические факторы детерминации насильственной преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9, № 2. С. 223–233.
6. Кагарманова Э. Р. Личность преступника // Символ науки. 2019. №5. С. 129-131.
7. Камалтдинова А. Ф. Генетические начала в личности преступника // Научный журнал. 2018. №8 (31). С. 41-43.
8. Клеймёнов И. М. Криминологические школы: от прошлого к будущему // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2017. №4 (53). С. 134-143.
9. Крик Э. Преодоление идеализма. Основы расовой педагогики / Предисловие В. Б. Авдеева и А. М. Иванова. – М.: Белые альвы, 2004. 432 с.
10. Ларин В. Н. Рецепция наследственной теории преступности // Правопорядок: история, теория, практика. 2019. №2 (21). С. 113-119.
11. Лист фон Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально патологическое явление. – М.: Инфра-М, 2010. 110 с.
12. Маслов В. А. Учение Габриеля Тарда о личности преступника // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. №3 (37). С. 341.
13. Модсли Г. Ответственность при душевных болезнях. – СПб., 1875. Цит. по: Прозументов Л. М. О происхождении антропологического направления в уголовном праве и криминологии // Всероссийский криминологический журнал. 2016. №1. С. 20-27.

14. Прокументов Л. М. О происхождении антропологического направления в уголовном праве и криминологии // Всероссийский криминологический журнал. 2016. №1. С. 20-27.
15. Раштон Дж. Ф. Раса, эволюция и поведение. Взгляд с позиции жизненного цикла / Пер. с англ. Румянцев Д. О. – М.: Профит Стайл, 2011. 416 с.
16. Скирбекк Г., Гилье Н. История философии / Пер. с англ. В. И. Кузнецова; Под ред. С. Б. Крымского. – М. Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. 428 с.
17. Тард де Г. Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступность толпы. – М.: ИНФРА-М, 2010. 391 с.
18. Теоретические основы предупреждения преступности на современном этапе развития российского общества: монография [Электронный ресурс] / под ред. Р. В. Жубрина. – М.: Проспект. 2016 // URL: <https://books.google.ru/books?id=ew-fDAAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.
19. Ферри Э. Уголовная социология. – М.: Инфра-М, 2018. 658 с.
20. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции; Пер. с англ. М. Б. Левина – М.: Издательство АСТ, 2004. 349 с.
21. Шалагин А. Е., Хрусталева О. Н. Теории преступного поведения: от истоков к современности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9, № 4. С. 556-564.
22. Эллис Х. Преступник; пер. с англ. А. М. Гинзбурга; под ред. П. А. Синарского. – Киев; Харьков: Юж.-Рус. изд-во Ф. А. Иогансона, 1898. 195 с.
23. Энгельс Ф. Старое предисловие к Анти-Дюрингу. О диалектике / Маркс К. и Энгельс Ф. // Сочинения. Изд. 2. т. 20. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. 369 с.
24. Thomson J. The psychology of criminals / J. Thomson // Journal of mental Seins. – 1870. – Volume 16, Issue 75. – Pp. 321-350.

